

Михаил Машков

Фумопорт. Книга Первая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Машков

Фумопорт. Книга Первая

<https://litres.ru/74560793>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что бы вы делали, если бы вдруг вас внезапно начала твориться полная чертовщина, а вы бы балансировали в ней, как в цирке дю Солей? Вот и Дима Шигин, молодой журналист из Смоленска, оказался в такой ситуации. Девушка ушла, работа пропала, хуже не придумаешь. А потом ещё и его бабушка решила надеть белые тапочки и оставить ему могучий родовой дар. Отказаться не вариант, а по пятам уже идут враги, желающие так или иначе пустить родовое проклятье Шигиных себе на пользу.

Теперь Диме против своей воли приходится не отводить взгляд, видя то, что скрыто от обычных людей. Мир сказок и былин оказывается не таким уж нереальным, чудеса и магия далеко не всегда оборачиваются подвигами, а жизнь так и норовит подложить свинью.

Но самое страшное — это не монстры. Самое страшное — то, что уже идёт следом. Голодное. Ненасытное. И оно становится ближе с каждым днём.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Михаил Машков

Фумопорт. Книга Первая

Глава 1

На вопрос "что ты любишь больше всего?" люди разных возрастов дают разные ответы. Подростки стараются быть взрослее и круче, чем они есть на самом деле, перечисляя сигареты Lucky Strike, стрелялку контр-страйк и еще какой-нибудь несомненно интересный страйк.

Люди возрастные, говоря казенным языком говорят о более высоких вещах. От них чаще можно услышать о беззаветной преданности стихам поэта Низами Гянджеви, чувству родства с небольшой деревней под Смоленском или вкусу хорошей мексиканской текилы. И подобный интернационал у старших, и незамысловатые удовольствия младшего поколения легко объяснимы. Но вот загадка: что любят люди в возрасте, что называется, становления?

Я любил Риту. Красивую шатенку с такой густой шапкой непослушных волос, что прической она вполне могла бы сойти за афроамериканку, если смотреть со спины и в темноте. Я любил её карие, почти медового цвета, глаза, шёлковые прикосновения, запах жасмина и пачулей и её фанатичную привычку заваривать себе огромную бадью чая по десять раз

на дню. Правда, порой складывалось ощущение, что Рита вот-вот перейдет от ещё человеческих привычек пить чай из кружек к совершенно извращенным формам промышленного потребления чая. То есть, начнет заваривать его в кухонных ковшиках, цветочных вазах, кастрюлях, ведрах, а однажды я приду с работы и обнаружу её пьющей чай прямо из ванны. Рита любила меня. Как водится, до некоторых пор:

— Дима, я ещё раз повторяю! — от меццо-сопрано девушки вздрогнули старые окна и задребезжал сервиз в съемной квартире — Я живой человек, у меня есть мечты! Ты не можешь поступать как... Как...

Дима, собственно, это я. А кто – я? Ну, судя по последним словам моей избранницы, шовинист, эксплуататор и абьюзер, мешающий Рите исполнить свою мечту уехать во Францию и стать известной режиссёршей. И дело не в том, что мама с папой воспитали районного гоблина в адидасе, который считает что женщина должна хорошо подметать, варить детей и рожать борщи. И даже не в том, что в режиссёрском портфолио моей девушки было шаром покати. Дело было... Не знаю, в быту, наверное? Я работал, получал какие-то деньги для нашего регионального захолустья, но всё-таки не имел финансов на то, чтобы в ближайшем будущем покорять французский Голливуд, или что у них там. А отпускать девушку в сольное путешествие было как-то уж совсем странно.

— Рит, ну правда, мы это обсуждали уже раз тридцать...

— Надо будет — обсудим сто тридцать! Хотя тут и обсуждать нечего, амбиций у тебя ноль! Желаний ноль! Инициативы тоже ноль! Вон, Серёжа аж в Яндексe работает, покупает себе что хочет! Вот у него действительно планы так планы!

— Может ты тогда обратно к своему Серёже поедешь?

— Что!?

Голосом Риты сейчас можно было колоть орехи, плавить небольшие валуны или стрелять из корабельной зенитки. Тема бывших у нас должна была быть закрытой, потому что у обоих в прошлых отношений говна произошло порядочно. На деле закрытой эта тема была у меня. У Риты же тема не закрывалась никогда. Как, видимо, не закрывался и рог изобилия, из которого жизнь осыпала своими дарами Сергея, её бывшего молодого человека. Почему-то в большинстве аспектов должен этот потный толстый боров был становиться для меня значимым примером.

— И поеду! А ты оставайся в своей халупе, работай в воюющей газете и ищи того, кто тебя будет терпеть, придурок! Да, пожалуй встречались мы не очень долго. Чуть больше полутора лет, если точнее. Я молча наблюдал, как Рита, обычно элегантная и милая, с напором атомного ледокола «Ленин» носится по старой двушке и наспех набивает вещи в свой бездонный рюкзак. Горя я не испытывал. Видимо, в тот период ещё не вполне осознал все происходящее, и, когда хлопнулась дверь, ещё минут десять сидел в прострации.

Тишина. Необычайная тишина. Нет, я не фанат шуток о

том, что женщины могут все то же, что и мужчины, кроме десятиминутного молчания. Но когда ты находишься с кем-то в одном помещении, по-настоящему тихо не бывает никогда. Даже если вы расселись по разным комнатам, один читает книгу, а второй, скажем, спит, разморенный полуденной жарой, все равно какие-то звуки присутствуют. Шелест страниц, короткое кхе-кхе, прочищающее горло, сопение, дыхание, шарканье ног в тапочках на кухню за водой или пресловутым чаем. Сейчас же тишина была... Звенящей.

Через десять минут я встал с крепенького старого дивана. Нельзя сказать, что я пришел в себя и был замотивирован творить и созидать. Мне яростно захотелось курить. В кармане моей сумки давненько валялись сигареты, к которым я не притрагивался из-за нелюбви моей пассивности к запаху дыма. Треск папиросной бумаги, истлевающего табака и щелчок раскушенной ароматической капсулы окончательно добились безмолвную обстановку в опустевшей квартире.

— Ну давай уже, че ты возишься? — приплясывал перед дверью в квартиру высокий очкарик с крашеными волосами, а по совместительству мой лучший друг, Ярослав.

— Сам виноват, меньше «Бёрна» надо было хлестать — бросил я, наконец справившись со старым, клинящим замком и впуская друга домой. Ярик бодрым лосем умчался в уборную, издавая звуки счастливого неандертальца после охоты, а я зашел на кухню.

— Есть хочешь?

— А что у тебя там? Чувствую что-то мясное и дешёвое! Макароны по флотски?

— По скотски. Я вообще то просто из вежливости спросил.

— А вот это, Димас, совсем невежливо.

Ярик вышел из ванной, растрепывая и без этого непослушные, сожжённые перхлоратом, волосы. Полотенцем для рук тот не пользовался из какого-то непонятного принципа, мотивируя это фразой да их стирают раз в сто лет, они ж грязные, а я только руки помыл. Странно, что подобное чистоплюйство никак не вязалось с панковским образом жизни Ярика. Парень вполне мог посидеть на полу в автобусе, если в транспорте не было сидячих мест, пройтись по центру города босиком, или вытащить сигарету прямо изо рта у офицевающего горожанина, на фразу у меня последняя отвечая: мне как раз одна и нужна. Собственно, особой вежливостью Ярик частенько пренебрегал, а потому без зазрения совести направился к плите, на которой в сковородке благоухали чудесные макароны с фаршем.

— Ну рассказывай.

— Что тебе рассказывать?

— Анекдоты рассказывай, царь смеяться изволит. Димас, не тупи, про ситуацию свою рассказывай. Фиг я поверю, что ты из щедрости выдернул меня из катки просто чтобы накормить макаронами.

— Я вообще тебя кормить не собирался, это была твоя инициатива.

— Это мой процент за потраченные силы и время. Давай, глаголь уже.

Я и начал глаголить. Рассказал про уход Риты, поныл про то, что снова у меня всё не как у людей, красочно и изощрённо обматерил Сергея, пресловутого экс-бойфренда своей избранницы и закончил свою тираду на веселой ноте:

— ...Зарабатываю я и так не прям дофига, а поскольку мы с Ритой скидывались на хату вместе, то теперь денег у меня на оплату не очень то и хватает.

— А карге этой звонил?

— Хозяйке то? Звонил, сказал что трудности с деньгами, что найду работу и все в таком духе.

— А она че?

— А она, вместо того, чтобы ободряюще успокоить и пойти на уступки, решила ободряюще вылить на меня ушат говна и теперь хочет меня вытурить.

— Великое советское воспитание, что ты хотел? — гоготнул Ярик, давясь макарониной в кетчупе. Я похлопал икающего и кашляющего друга по спине и продолжил:

— Делать то чего?

— Ну... Бх-кх-кх... Ну можешь... — Ярослав утер проступившие слезы и указал на горло — Можешь дать запить?...

Запивкой стал вишневый сок, бутылку с которым Ярик

начал опустошать намного сильнее, чем того требовало першение в горле. После того, как сок у наглеца был экспроприрован в пользу нуждающихся, то есть, меня, Ярик продолжил.

— Я бы тебя к себе пригласил на пару-тройку дней, но ты откажешься.

— Откажусь. У тебя грязно, ты спишь в уличной одежде, а в холодильнике скоро заведется новая, неизведанная раса. Не хочу как-нибудь утром вместо завтрака получить от Племени Плесневелого Помидора копьём в глаз.

— Да иди ты, как будто у тебя выбора дофига. Можешь к родителям вернуться, как вариант.

— Ага, к маме в ноги броситься, побожиться, сказать что осознал свою вину, меру-степень-глубину, и прошу меня направить на ближайшую войну. Нет войны? Я все приму. Ссылку, каторгу, тюрьму, но желательно в июле и желательно в Крыму.

— Поэт! — уважительно кивнул головой Ярик, наконец расправившись с макаронами. — Стихи писать будешь и в газете своей за прибавку печатать?

— Это Филатов написал, балбес, сказка про Федота стрельца. Не читал?

— Неа! — бодро тряхнув головой ответил Ярик — Рэп сочинять попробуй. Может оксимироном вторым станешь.

— Ага, бери выше: Смоленский JayZ дает концерт в ДК Шарм. Чтобы послушать – платите тыщу, чтобы не слушать

– полторы.

Впрочем, как бы искромётно я не шутил, положение и правда представлялось аховым. Денег на оплату почти нет, проклятая карга-домовладелица на уступки не пойдёт никогда, а у главреда газеты Главная Тема прибавки просить бесполезно. Тот, в лучших традициях Дж. Дж. Джеймсона из Человека Паука придерживался старой, как мир, философской максимы: бей работника молотом – будет работник золотом. Журналист и бизнесмен старой закалки, главред с говорящей фамилией Каличев, предпочитал платить мало, требовать много, а в случае неповиновения линии партии – жестоко и немилосердно карать. Единственным простым вариантом действительно стало бы дожить оплаченные дни в разваливающемся фонде советской пятиэтажки и поехать к матери в деревню. И уже там, в домике с небольшим яблоневым садом, подыскивать себе новое место, слушая нудёж о важном. А послушать было что. По сути, материнские претензии и нотации сводились к неоправданным ожиданиям и бесперспективным решениям.

В свои беспечные 17 я выпустился из школы, наслушавшись сказок о программистах, получающих бешеные тыщи. В школьную бытноть, с усиленной подачи семьи, согласился отучиться на техножреца, заклинателя кода и командной строки, позже пополнив число сотрудников знаменитой желтой айти компании. Мать помогала финансово и оплачивала многочисленные курсы, уроки, онлайн школы и репетито-

ров, невзирая на протесты о том, что математика мне дается так же сложно, как Ярику уборка. И вот, в дни экзаменов, я сначала поти завалил математику, набрал лишь проходной балл, а затем и информатику. Сторого говоря, ее я может и сдал бы, если бы в самый ответственный момент строка разработки не помахала мне ручкой и не отказалась выполнять команды. Пришедший на помощь технический специалист, грустный заросший дедушка, сказал лишь программировать на другом языке, чего я делать разумеется не умел. Так и получилось, что информатика тоже оказалась сдана лишь на уровне прошел – и слава богу.

Дома меня ждал нагоняй, нервы, осуждение и нотации о том, что был бы жив отец – он бы мне устроил. Собственно, отчасти из-за недавней смерти отца я и потерялся, не смог собрать мысли в кучу. Потому на ЕГЭ выдал уже другую кучу, полностью похоронив любые надежды на поступление в сферу Айти. Впрочем, сдавал я несколько предметов. Спасением стали адекватные баллы по английскому, русскому и обществознанию. С ними я кое как поступил в другой вуз, отучился на журналиста, но оказалось, что без мощной протекции и недюжинного опыта взять тебя особо никуда не могут.

Так я и оказался в захудалом, доживающем свой век на пенсионерах и псевдоинтеллектуалах, газетном издании, где правил всемогущий царь и тиран, Каличев Олег Кузьмич. За прозвищем далеко ходить не пришлось – кличка Кок иде-

ально подошла грузному, резкому и вечно злому главному редактору.

— Алло, ушёл в себя вернусь не скоро!

Из меланхоличных воспоминаний меня выдернул бодрый тенор Ярика. Тот уже подъел вторую порцию макарон, выхлебал весь мой сок, и как-то уж очень красноречиво поглядывал на холодильник, где его почти всегда ожидала припаённая специально для него бутылочка фруктового пива.

— Держи, чудище ненасытное. — я протянул другу бутылку пойла, и тот, как-то странно крикнув, откупорил пробку зубами.

— Делать то что будем?

— Что значит будем? Это не от тебя девушка свалила, это обычно ты так делаешь. И кстати поутру даже записок им не оставляешь.

— Ой да хорош причитать! Мне в Сычевке вообще делать нечего было, даже с тобой под боком. Думал, сюда приеду — повеселее станет, а тут точно такая же хмарь. Кто ж знал что Смол — реально такой смолл?

И это было чистой правдой. Ярик всегда был сам по себе. Почти как дядя Фёдор. Выпорхнув из родительского гнезда, где осталось ещё то ли 6, то ли 7 детей, Ярослав Макаревич оказался предоставлен сам себе. В мире, где слоняющейся и ничего не делающей молодежи было полно, он оказался как дома. Временами где-то подрабатывал, временами оказывался в долгах насколько, что уточнял у меня кому можно

продать своей левый глаз. На замечание о том, что продают обычно почку, Ярик отмаз вался, говоря о том, что почка – недостаточно нишево, и что он скорее будет ходить в крутой повязке, чем вестись на мейнстрим. В какой вселенной продажа почки стала мейнстримом я понятия не имел, но и спорить не стал. В диспутах с Ярославом победить было почти невозможно, а если и удавалось, то из спора неудавшийся оратор выходил злым, уставшим и обессиленным. Крашенный очкарик мог понять свою неправоту в первые три минуты разговора, а уже после банально злил собеседника.

Со мной в Смоленск из нашего крошечного города он тоже поехал, что называется, из любви к игре. Памятуя, как быстро остальные его товарищи исчезали, утомленные его буйной энергией, Ярик уцепился за единственного, кто его нрав переносил относительно неплохо – за меня. Каким-то образом, вместе с ним я постоянно умудрялся попадать в истории. То этот уникум додумается залезть в брошенную лет пять назад машину, и как назло в этот день появится ее хозяин и решит навешать нам обоим люлей. То отравится шаурмой на вокзале и, перепутав активированный уголь с баралгином, обожрется таблеток от давления. То решит, что он – продвинутый метросексуал и начнет одеваться настолько вызывающе, что в следующие несколько месяцев мы оба будем огребать от всех равнодушных прохожих, потому что ходим как меньшинства.

О каких меньшинствах идет речь я не вполне понимал, на-

верное, о чувашах, но на орехи получал за компанию с Яриком и несколько раз чуть не лишился зубов. Так или иначе, Ярослав не был обременён необходимостью жить в роскошных апартаментах, есть здоровую еду и одеваться с иголки, а значит был волен делать, по сути, что хочет. Оттого и потащился со мной из деревни в Смоленск, ища приключений и опасаясь остаться одному где-то в богом забытых лесах нашей необъятной родины.

— Ну так че, Димас? Ты как?

— Как цыганское лото.

— Че? Какое лото?

— В котором выиграл шляпу, но просрал пальто...

Нашу дружескую перебранку прервал звук рингтона на мобильнике. Вытащил старенький андроид из кармана и почувствовал, что лицо вытягивается словно огурец. Звонила мать. Вот ведь правда, вспомнишь солнце – вот и лучик. В голову пришла глупая мысль о том, что мать все это время была экстрасенсом, круглые сутки сидела над хрустальным шаром и сейчас узрела тяжкую ситуацию своего чада. Сейчас начнет причитать, говорить о том, что в море много рыбы и успокаивать. Хотя ещё неизвестно, кому эти успокоения нужны больше...

— Станция ракетных катеров на проводе!

— Алло?! — трубка рывкнула зычным голосом Шигиной-старшей. Мать явно думала, что за три сотни километров можно общаться лишь механическим повышением

громкости.

— Да, я тебя прекра...

— Алло! Дима, слышишь?!

— Ма, тебя не только я слышу, но и весь Смоленск. Как дела у тебя?

— Димочка, плохо слышу тебя, чего говоришь?!

Под беззвучную истерику Ярика, который содрогался от хохота, тряс бутылкой и пускал пивную пену себе на джинсы, я вышел из комнаты, одновременно делая звук потише.

— Чего такое?

— Дим, дело такое, тебе приехать надо...

— Снова траву в саду покосить? Ты же недавно новую косилку купила, легче должно быть.

— Дима, во первых не хами, я немолодая, мне помогать надо, отца то нет! Во вторых, я не по этому звоню. Бабушке плохо.

Я напрягся. Бабушка, или, Железная Катерина Михайловна, как её в шутку называли соседи, была хоть и старой, но почти семижильной женщиной. На чистом упрямстве пережила Великую Отечественную, работала в каких-то несомненно важных советских учреждениях, стоически пережила лихие девяностые, дефолт, распад союза, моего дедушку и двоих президентов. Сейчас же старушка осела в деревне, но не потеряла хватки. В свои девяносто с гаком лет таскала шкафы, носила по огороду страшных размеров ведра с водой и каждый год выдавала такие перформансы умственной

и физической деятельности, которые не вывезли бы и пятеро молодых парней моего возраста. Новость о том, что бабушке плохо воспринималась такой же немислимой, как ранение Ахиллеса: закономерная, но все еще немислимая.

— Что с ней? Сердце?

— Да вроде не сердце. Лежит, лихорадит, тебя зовет. Возраст не тот уже...

— Меня? В смысле?

— Ну в прямом, Дим. Она бредит. Всё твердит, что ты должен приехать, иначе "поздно будет". И ещё... называет тебя не Дима, а Демьян. Говорит про дверь, которую ты не закрыл. Димочка, что хочешь делай, но надо приехать. Это вопрос семьи.

— Да... Да, хорошо, приеду конечно, отгул возьму и приеду завтра же.

— Как бы не опоздал...

— Ма, ну ты чего говоришь такое? Все, покупаю билеты.

На том разговор и завершили. Я вернулся в кухню как пыльным мешком ударенный. Ярик, допивающий пиво, сидел за столом, беззастенчиво закинув на него ноги и смотря короткие видео. Я скинул его ноги со стола и снял с друга наушники.

— Ногами не размахивай, не в Америке так то.

— Да ладно тебе. Что с лицом?

— А что с ним?

— Оно страшное, но это всегда так. Чего ты бледный та-

кой?

Я пропустил колкости Ярика мимо ушей и вкратце пересказал ситуацию. Бабушку Ярослав знал. Как минимум, потому что в нашей матриархальной семье она занимала строгое монаршее место. Как максимум – потому что парня в нашей семье давно считали почти своим. Сначала бабушка гоняла его с огорода шваброй, когда он лез за помидорами. Но когда узнала, что он сирота при живых родителях, то сказала: "Хватит с меня воров, будешь ужинать с нами. Только помидоры не воруй – я тебе так дам". С тех пор он ходил к нам по воскресеньям, как к себе домой. Мать, правда, его недолюбливала. Говорила, что от него пахнет дешёвым табаком и что он дурно на меня влияет. Но бабушка шикнула на неё раз и навсегда: "Оставь мальчика. У него глаз живой. А у твоего, — она кивнула на меня, — глаз мёртвый. Ему такой друг нужен". И мать, уж на что деспотичная женщина со своим мнением на все в этом мире, замолчала. Поэтому, а может просто из дружеской солидарности, инициативу по поездке парень поддержал немедленно.

Вечер прошёл в сборах. Точнее, я собирал вещи, документы и оставшиеся деньги, а друг убежал к себе искать рюкзак и менять дырявые Конверсы на чистые Вэнсы. Из-за накатывающего стресса я не сразу вспомнил, что хорошие сотрудники обычно уведомляют начальство о своем отсутствии. Написал в мессенджере шефу, что в следующие несколько дней меня не будет по семейным обстоятельствам. Начальник имел все

причины злиться (хотя, чаще всего делал это и без особых оснований), но видимо сегодня вообще все были на взводе. Все потому, что очень быстро мне пришел незамысловатый ответ:

"Шигин. Ты в курсе, что такое трудовой договор? Завтра в 9. Если нет – считай, что ты уволен. Без выходного пособия. Каличев"

С техникой шеф был явно не в ладах. Видимо, как и с головой. Ещё несколько попыток объяснить ситуацию, но уже так, для проформы, привели к накалу ситуации, и посыланию вашего покорного слуги на...бираться ума разума в деревне без опции возврата в издание. Путем нехитрых размышлений, я пришел к довольно простому выводу: семья должна стоять превыше работы. Особенно если работа – го-венная, противная и низкооплачиваемая. С другой стороны, плакали мои и так небольшие финансы. Ну замечательно, просто блеск! Хуже уже точно быть не может!

Глава 2

В каждом российском городе есть свой менталитет. В Москве люди, как правило, суетливы и амбициозны. Типичный петербуржец обычно интеллигентный и с явной претензией на то, что вокруг одно быдло, и лишь он – последний культурный оплот. Менталитет среднестатистического Смолянина можно было бы охарактеризовать так: усталый, но упёртый, как старый пень, который не получится выкорчевать, хоть ты тресни. Люди там почти никуда и никогда не торопятся, потому что уверены: мир никуда не денется, а если и денется – то уже без них, а значит и наплевать.

Ярик свой менталитет тоже проявлял как умел. Перед выходом друг уже успел хорошенько накатить, стоял у стойки расписания и с пьяной серьёзностью сверял маршруты, хотя ехали мы по известному нам с детства пути.

— Да не ссы, — сказал он, когда мы грузили рюкзаки на полки убитого автобуса. — Прорвемся. Дед Мороз не даст замерзнуть.

— Ярик, сейчас май.

— А мне по***й. Ты в курсе, что вот это, — он ткнул пальцем в потёртое сиденье, — знаменитое место? На нём аж Борис Ельцин в Сычёвку ездил. На охоту.

— На кого?

— На охоту говорю.

Я махнул рукой и сел у окна. Спорить с Яриком в таком состоянии было бесполезно, а в голове стоял голос матери: "Дима, бабушке плохо. Тебя зовёт. Говорит, поздно будет". Блин, как так то? Автобус тронулся. Город осыпался за стеклом. Сначала промелькнули относительно современные, не Москва-Сити конечно, но приличные высотки, за ними серые панельки, реклама "Билайна" на билбордах, заборы, промзоны. А впереди была настоящая Смоленщина. Ровная, пустая дорога уходила куда-то сначала между полей, шла вдоль обнищавших деревень в три избы, а потом заводила в глухую чащу, где нет ни фонарей, ни городов, ни указателей. Только лес, чаща и иногда лоси, перебегающие дорогу в неположенном месте.

Небо было серым, низким. Казалось – протяни руку и коснешься облаков, оседающих на поля туманом. Я сидел у окна, прижавшись лбом к стеклу. Голова гудела. От усталости, от отсутствия нормального сна, от того, что Рита ушла, а я так и не понял – жалко мне её или себя.

— Эй, — Ярик толкнул меня в плечо. — Ты чего такой мрачный? Там же, в Сычёвке, хоть люди живые. Злые все конечно как черти, приедем не очень рады, но зато все друг друга знают, бабки на лавочках, река, лес...

— Там бабушка умирает, — перебил я. Ярик замолчал. Потом хлопнул меня по колену: — Доживёт. Она же как старый дуб. В смысле, такие не умирают, просто шуметь перестают.

Я хотел ответить что-то резкое на эту пьяную чушь, но решил не разоряться. Достал наушники, включил вперемешку плейлист и, пощёлкав несколько треков остановился на недавно найденном рэпере. "Пора завязывать, мы соберем манатки, оборвем все, что нас связывало" – вещал исполнитель, идеально подстраиваясь под сложившееся настроение.

Несколько часов и одну остановку спустя, автобус выехал на холм, и вдали показались серебристые цилиндры зернохранилищ. Знак того, что впереди стоит и дожидается блудных сыновей Сычевка. Старая, с пятнами старых крыш и желтым, как кошачий глаз, куполом церкви Благовещения. Где-то там, в низине неподалёку от реки, стоял дом бабушки. А за рекой – лес. Не очень густой, рукотворный, но с тёмными оврагами и грозным буреломом. В детстве бабушка запрещала нам ходить по этой роще, говорила что там нечисто. Мы ржали, думая что старуха просто пугает детишек сказками. Хотя в лес и правда ходить перестали. Кто-то пустил слухок, что из города покрупнее туда заезжают какие-то криминальные элементы, и что-то прячут. А потом это что-то с помощью карт и координатов находят местные дурачки. Почем зря травятся всякой дрянью, а потом стоят в позе древнеиндийских йогов и звёзды считают.

Ярик, сидевший рядом, что-то говорил про работу, про то, что Сычёвка – не лучшее место на земле и то, как ему однажды навалили просто за косой взгляд. Я его не слушал. Я думал о том, что бабушка в бреду назвала меня не Дима,

а Демьян. И что она твердила про какую-то дверь, которую я не закрыл. Какую, на хрен, дверь? Я закрыл глаза.

За окном потемнело. Небо стало серым, затянутым тучей, похожей на длиннющую змею, растянувшую свое тело на половину небосклона. Автобус затормозил резко, с противным скрежетом. Старые колодки, которые пора было менять ещё лет десять назад завизжали, а несколько бабулек в хвосте вагона загалдели о том, что не дрова вообще то везет. Водитель, грузный мужик с лицом, загорелым и заскорузлым как старая мочалка, буркнул что-то про "конечную", и пассажиры зашевелились. Людей было немало, все местные, с пакетами из райпо.

Я встал, размял затёкшую шею. Ярик уже выпрыгнул в проход и потянул мой рюкзак с верхней полки. То ли алкоголь ещё не утратил власти над телом в очках, то ли сил у того оказалось недостаточно, но друг чуть не обрушив тяжёлую поклажу прямо на голову бабке у окна. Старушка заголосила, крича что проклятые наркоманы убивают, и с размаху ткнула клюкой в ногу Ярославу. Тот зашипел, хватаясь за ногу и обдавая представительницу пожилого поколения чудовищным перегаром.

— Осторожнее надо было — сказал я, когда мы наконец выползли из бусика под проклятья и оскорбления пострадавшей бабуськи.

— А че? Если бы рюкзак твой упал, даже лучше б было, — заржал Ярик. — Потому что бабки в жизни не главное!

— Очень смешно.

— Да ну её в жопу, одной пердильной бабкой больше, одной меньше...

Ярик вдруг спохватился и прикусил язык, поняв что ляпнул что-то не то. Я не ответил. Просто забрал рюкзак и двинулся к выходу. Сычёвка встретила сыростью. Сыростью и тишиной. Не той тишиной, когда в городе выходной и все спят, а какой-то плотной, стоячей, как вода в болоте. Даже птиц не было слышно, хотя май — время, когда они, вроде бы, должны были петь на все голоса. Снова вспомнилось детство, когда я слышал веселый стрёкот ласточек, вивших гнезда под крышей местного детсада.

— Жуть, — сказал Ярик, поёживаясь. — Как будто в Чернобыль приехали.

— Это Сычёвка, — мрачно ответил я. — Всегда так.

— Да не, я помню. Но раньше хоть собаки лаяли.

Я обернулся. И увидел её мать, ожидающую приезда блудного сына. Полноватая женщина в потертой желтой ветровке, стояла у старой, облезлой стелы на входе в парк. Смотрела она на меня так, будто я пришёл на собственные похороны. Седеющие волосы развевались на ветру и лезли в лицо. Мы подошли. Она ничего не сказала, ни мне, ни Ярику. Просто взяла меня за руку, да так сильно, что побелели костяшки.

— Привет. Что там?

— Скорая приезжала, — сказала она, — Мама два дня

лежала, ни звука, на третий начала бредить. А сегодня... сегодня подскочила как ошпаренная. Врачи приехали – она их выгнала в шею. Сказала чтобы шли куда подальше со своими капельницами, и в кухне заперлась. Пишет что-то. Там...

Мать ткнула пальцем в сторону. Мы стояли в чуть более урбанизированной части деревни, которую местные называли городом. Вниз по центральной улице же начиналась настоящая Сычевка – бедная, однообразная, неухоженная. Там, за домами прочих пенсионеров, доживающих свой век, угадывался дом бабушки.

— Тебя ждала, — добавила она тише. — Всё время твердила: "Дима приедет, я с ним поговорю". И ещё...

— Что?

— Говорила про какую-то дверь. Что она её не закрыла когда-то. Что теперь ты должен её закрыть. Или открыть — я не разобрала. Я, Дима, ничего не понимаю. Инсульт наверное...

Я переглянулся с Яриком. Тот стоял сзади, закинув рюкзак на одно плечо, и на его лице впервые за весь день не было дурацкой ухмылки.

— Может, я с тобой? — спросил он негромко.

— Нет. Иди домой. Я сам.

— Димас...

— Я сказал, иди.

Ярик хмыкнул, но спорить не стал. Он знал меня достаточно долго, чтобы понимать: когда я говорю "сам", это не

обсуждается. Он хлопнул меня по плечу, кивнул матери и, насвистывая что-то фальшивое, зашагал в сторону старого района, где жила его семья, привыкшая к постоянным гуляниям своего чада. Мать смотрела ему вслед с плохо скрытой неприязнью. Она нервно перебирала изляпанный край своей ветровки, теребила застежку-молнию и будто пыталась унять дрожь.

— Напился опять... — сказала она скорее себе, чем мне.

— Ма, не сейчас.

— Он тебя только тянет вниз, Дима. Он...

— Ма, я же говорю, не сейчас. Пожалуйста. Где бабушка?

Мать вздохнула и пошла вперёд. Я – за ней. Дом стоял на отшибе, за несколько поворотов от выхода к реке. Старый, с потрескавшейся зеленой краской, с покосившимся крыльцом и гудроновой крышей, залатанной в нескольких местах. Забор, что интересно, был довольно новым, коричневых, из оцинкованного железа. Мой дядя и двоюродный брат ставили его что-то около года назад. Красиво конечно, спору нет, но могли бы уж и сам дом сайдингом обшить, а то подобный контраст только больше тоски нагоняет. Окна смотрели на меня тёмными, мутными стёклами, за которыми не угадывалось совершенно ничего.

— Ты заходи, а я не пойду, — сказала мать, остановившись у калитки. — Она... она меня прогнала. Сказала, чтобы я не совалась.

— Как прогнала?

— А как обычно прогоняют? Словами, сказала чтобы я ушла, и всё. Я и ушла. Как дура какая-то. — Мать нервно поправила платок. — Это, наверное, предсмертная агония, Дима. Слышал? У людей перед смертью бывает прилив сил. Она скоро...

Мать не договорила. Всклипнула. Я обнял её за плечи. Нет ничего хуже, чем сочувствовать, но сейчас мы с матерью были в равных условиях. Я не чувствовал себя неловко, как всегда, когда нужно проявлять нежность, — и сказал:

— Я схожу, посмотрю. Может поговорю с ней. Ну все, ладно тебе, успокойся, мам, все хорошо будет!

Калитка скрипнула, щёлкнул магнитный замок, так контрастирующий с пожухлым древним домом и запущенным двором. Огород, который бабуля лелеяла и каждый год вытряхивала из него каждый сорняк, зарос травой, даже дорожка почти не угадывалась. Я пошёл по ней, и под ногами захлюпала грязь, уделывая светлые кроссовки. Я открыл дверь в сени. Пахло деревом, крупами, старыми макаронами и ещё чем-то горьковатым, терпким. Какими-то травами, не аптечными и не полевыми, а какими-то другими. Чужими. Я шагнул в кухню и замер.

Бабушка сидела за столом. Я, конечно, не хотел видеть её прикованной к постели и разбитой предполагаемым инсультом, но в таком состоянии бабулю было видеть странно. Не в постели. Не на кухонном топчане с влажным полотенцем на лбу. Она сидела за столом, ровно, прямо, как когда-то в

моём детстве, когда я приходил к ней на каникулы и заставлял её за расчетом, сколько стоит заплатить за газ, за воду или сколько нужно отдать соседке. Бабушка старательно выводила что-то на пожелтевшем от времени тетрадном листе. На ней был тёмный платок, завязанный узлом на затылке, и старый халат, но выглядела она... На удивление живой. На плите булькала кастрюля. Рядом с бабушкой стоял старый, потёртый термос.

— Заходи, Дима, — сказала она, не поднимая головы. — Не топчись на пороге, а то накличешь беду. И дверь закрой. Я опешил.

— Бабуля, я... — Знаю, кто ты. Дима. Демьяном я тебя назвала для пущего эффекта, чтобы доча подумала мол я совсем сдурела. Сейчас я хочу, чтобы ты меня внимательно выслушал. И ты выслушаешь, хочешь ты того или нет. Садись.

Она отложила ручку и повернулась ко мне. Глаза у неё были ясные, даже слишком. Никакой мути, никакой старческой слепоты. Смотрела она так, будто видела меня насквозь.

— Ты думаешь, я не в себе, — сказала она. — Ты думаешь, это предсмертный бред старухи, счет которой идет на часы. Я вижу это по твоему лицу. Потому что я всегда видела больше, чем вы все.

— Бабуль, давай я врача вызову? Тебе надо...

— Не надо мне врачей! — рявкнула она так, что я вздрогнул. Голос был жёстким, металлическим, не её. В нём слышалась какая-то первобытная, чужая сила. — Я сейчас толь-

ко ради тебя не в кровати, а на своих двоих стою! Последние силы собрала, сдюжила, поднялась вот. Так что слушай и не перебивай, если хочешь жить.

— Чего? — выдавил я. — Бабуль, ты... ты часом не того? Может, скорую всё-таки?

Ну правда же, только этого не хватало! Моя любимая бабуля дала джазу и сейчас, чего доброго, меня прирежет и сунет в кастрюлю, где и так что-то бурлит. Бабушка встала. Медленно, опираясь на стол, но встала. Подошла ко мне. И провела рукой по воздуху, прямо перед моим лицом. Какой будет ваша реакция, если вы будете, скажем, идти по улице, а человек перед вами вдруг превратится в огромный летающий пончик? Вероятнее всего, вы решите что у вас галлюцинации. Вот и я решил, что меня глючит, когда увидел бабушкин фокус.

Рука, которой та провела по воздуху, задымилась. Вернее, не так: от нее повалил пар, густой, словно от кальяна. А следом и сама рука потеряла свои очертания, превратившись в вытянутое облако густого, прохладного пара. Мать божья!

— Видал? — спросила она строго, словно требуя показать дневник, зная что там всё красно от двоек.

— Не понял...

— Это называется техникой. Техники есть разные, но каждый дар по-своему индивидуален. Мой называется Фумопорт, или, попросту, Мгла. Это мой тебе дар. Наша с тобой кровь, кровь Вещих. И ты тоже им будешь. Это, конеч-

но, эгоистично и я такое не люблю, но времена нынче сложные наступают. Нельзя, чтобы дар вместе со мной в Морось ушёл.

Я молчал. Язык прилип к нёбу, а по спине потек холодный, липкий пот как у лихорадочного больного. Облако вновь приняло очертания бабушкиной руки, но мой шок все никак не хотел проходить. Похоже скорая сейчас потребуется не бабуле, а мне. Может, это у меня инсульт? И сейчас я лежу в Смоленской квартире, не выдержав ухода Риты и пускаю слюни? Бабушка взяла термос и пододвинула его ко мне.

— А это... Эээ...

— Там чай. Не та магазинная бодяга, что ты пьёшь с утра. Другой. Он откроет тебе глаза. Но пить его будешь на берегу Вазузы, когда я скажу. А пока...

Бабушка полезла под холодильник. В данный момент я был готов к чему угодно, включая внезапный нижний брейк в исполнении старушки, но все оказалось прозаичнее. Катерина Михайловна выгребла кучу пыли, какие-то старые газеты, и наконец извлекла на свет божий старую, пыльную тряпку. Развернула. Внутри лежали какие-то припасы. Если честно, хотелось плюнуть на все с высокой колокольни и бежать. Бежать без оглядки ото всей этой бесовщины. Сочувствие и скорбь о бедной бабушке успели смениться сначала подозрением, затем шоком, а потом полнейшим ужасом. Плохо то, что закоротивший от страха организм выбрал реакцией на творящийся бред не бегство, а замирание. Вот я и стоял.

А цирк Шапито продолжался:

— Это клинок. Железный, четырехгранный, такими встарины пользовались, сейчас получше куют, но этот на славу зачарован. Сама старая уже, сил никаких, не пользовалась им лет пятнадцать, но силы вроде не утратил. Смотри, без нужды не вынимай. Это твое оружие, а оружие не должно пугать, оно должно работать. А это зуб.

— Волчий что ли? — я ляпнул первое, что подвернулось на языке, и только потом понял, что наверное лучше сейчас молчать, и думать как отсюда улизнуть.

— Ты не болеешь часом, родимый? — Внимательно посмотрела на меня бабушка — Откуда я тебе тут волка возьму? Собачий, заговорённый. Слушай внимательно, не для захожих рассказываю. Его в водоем выкинешь когда ритуал будешь проводить.

Дожили. Шигин Дмитрий Михалыч, двадцать четыре года отроду, журналист, сатанист, проводит ритуалы на собачьих зубах, гадает на сигаретном дыму. Замечательное резюме, с таким новую работу искать и буду.

— И вот, монета ещё. Она тоже железная. Если помощника себе найдёшь — ей с ним рассчитаешься. Заходим цены от нее никакой, а вот нечисти, если толковая попадётся, будет по душе.

Я смотрел на эти вещи, потом на бабушку, потом снова на вещи. Запоминать все инструкции было непросто. Слова бабули улетучивались из памяти словно преснопамятный пар.

Какая нечисть, какие захожие, какие ритуалы?

— Не бойся, Дима. Побояться ещё успеешь. Ничего не бойся, обо мне не печалься и не плачь, худо будет. Будешь сумасшедшей называть — с того света достану. А сейчас го-стинцы — в зубы, руки в ноги и марш отсюда, остальное пой-мешь по ходу. Эх, не уехал бы ты в свой Смоленск к этой задрыге, Ритке, я бы чему научить и успела, а сейчас бесов-ство одно. Ты ещё тут?

Бабушка вдруг закашлялась. Крупно, страшно, задрожала всем телом словно больная туберкулёзом всем телом. И ко-гда она поднесла ладонь к лицу, я заметил на губах тёмную, почти чёрную слюну. Она вытерлась рукавом, взглянула на меня и прошептала:

— Беги. Беги пожалуйста, Димочка, мать забирай и домой беги коли жизнь дорога! Я не стал спорить, хотя бы потому, что понятия не имел что происходит. Сказали проваливать — так и сделаю, парень понятливый. Я вылетел из дома, как ошпаренный, схватил мать за руку у калитки и поволок её через дорогу к нашему дому, где было светло, прохладно и пахло уютом. И где не было повернутой бабки, плюющейя кровью и крушащей реальность каким-то колдунством. Мать сопротивлялась, что-то кричала, но я не слышал. В ушах сту-чало: "Беги. Беги. Беги".

Мать ругалась, бранилась, даже вмазала пощёчину от зло-сти, что я веду себя как псих. Впрочем, я и сам сейчас не

вполне был уверен в отсутствии беды с башкой. Вдоволь прооравшись, родительница все таки сдалась, наконец унялась и, списав все на мою впечатлительность, снова села и заплакала. Странно кстати, не побежала снова к бабушке. Видимо, нелегко ей самой далось соседство с ведьмой. Ну а кто, если не ведьма? Варит какую-то бурду, что-то колдует, всякие артефакты дарит... Кстати о них: в попытках понять хоть что-то связное, я не спал всю ночь. Сидел на кухне, смотрел на корявый нож, больше похожий на здравовый гвоздь, на жёлтый зуб, на монету с непонятным гербом. Читал записку, которую сунула мне бабушка перед уходом:

«Как тень от света, как день от века, захожее мне от себя солью земли. Не в яме буду, но дом на кольях увижу. Пусть ко мне повернётся, пусть глаз разомкнется, да дурное отпрянет. Читать у воды, бросить зуб в реку, нож не вынимать. Пить чай. Дёма, не бойся того, что увидишь. Не все мрачное – твой враг. Найди спешницу, сестру, она хоть и дрянь, но объяснит что да как делать. Даст бог вспомнишь ещё свою старуху.»

Я перечитал раз десять. И если бы за каждый раз, когда я перечитал записку и ни черта не понял, мне давали по рублю... Ну да, как раз чирик и набрал бы. Бред сивой кобылы. Чушь. Ересь какая-то. Гвоздь, зуб и волшебная копейка, вот он, мой грандиозный план на будущее. И первый пункт в этом плане – узнать, что это за спешница сестра такая.

Глава 3

Если бы страдание нас чему-то учило, все на свете были бы мудрецами. Но страдает каждый, кто-то больше, кто-то меньше, а ума набираются единицы. Или просто устают так, что и опыт и приобретенная житейская мудрость им становится до одного места. Так что ясно одно: боль — паршивый учитель. Она не даёт знаний, она просто забирает силы. И оставляет тебя с пустыми руками и кучей вопросов.

Меня разбудила мать. Глаза её были уже даже не заплаканные, а какие-то совсем пустые, как у человека, который уже больше не может ни плакать, ни страдать, ни сопротивляться. В такие моменты чаще всего наступает оцепенение, скорбь и отстранённость.

— Бабушка умерла — сказала мама бесцветным голосом. Точнее даже не бесцветным, а со звуком песка, растираемого по стеклу — Отмучалась. Врачи сказали инсульт с обширным кровоизлиянием в мозг... Что ж она от скорой отказалась, а? Почему?

Я не знал почему. Готового ответа у меня не было, да и я был не в том состоянии, чтобы приводить разумные доводы. Бабушка была частью моей жизни сколько я себя помню. Сильная, мудрая, любившая почитать нотации, но делая это без злобы. Бабуля была очень разносторонним человеком. А сейчас её нет. Тоска накатила девятиметровой черной

волной. Что ж теперь делать то? Как так? Мать ушла в зал и стала звонить дяде Олегу, своему брату. Я вздохнул: сразу начала готовиться к похоронам.

Мать нельзя было упрекнуть в недостатке сочувствия, просто такой способ справляться с утратой был для неё самым привычным. Когда происходили сложные, но неприятные неурядицы, вроде случая когда я по дурости взял ее машину покататься, и на первом же повороте разворотил припаркованную Ладу, она чуть с ума не сошла. Кричала, разбиралась, ругалась. Когда умер дедушка, когда умер мой папа, когда умирал хоть кто-то из её близких, и поправить ничего было нельзя, мать наоборот уходила в себя. Начинала работать, организовывать похороны, поминки, хлопотать по вопросам наследства и пытаться быть сильной, отстранённой, холодной. Вот и сейчас она уже спрашивала дядю про какого-то Степана Петровича, который «хорошо делает памятники», и о том, что надо выбрать место рядом с ее почившим мужем.

Я зашёл на кухню и без энтузиазма поковырялся вилкой во вчерашних сырниках. Грусти не было. Скорби не было. Вообще ничего не было, кроме шока, потому что мозг ещё не успел обработать потерю. Не успел, и теперь выбросил белый флаг, наотрез отказавшись работать. За стеной слышался голос матери, спрашивающей кого бы позвать на похороны. Видимо на том конце трубки ей ответили что-то не то, на что она долго бубнила про «мама бы этого не хотела», «за-

чем её звать» и «ну и что что сестры?».

Сёстры. Услышав это слово я постепенно стал выходить из оцепенения. В бабушкиной записке говорилось, что надо найти какую-то сестру-спешницу. Её слова, предсмертный подарок и фокусы с дымящейся рукой всплыли в памяти как девятиметровая волна, погребаящая под собой прибрежную деревеньку. Да, может бабуля и сбрендила... Нет, не так. Может бабуля сама не осознавала что говорит из-за инсульта, но я же сам видел эту магию, будь она неладна! Слышал морозный треск изменяемого пространства, чувствовал запах озона и понимал, что в воздухе висят клубы пара! Надо же узнать, что это за полеты в нижних слоях атмосферы? Это с учетом, что у меня самого не было инсульта...

Я встал из-за стола и пошел в зал. Мать уже закончила разговаривать, и сейчас просто сидела, глядя в пустоту прикрыв лицо рукой.

—Ма... Ты как?

—Не знаю... Глупый вопрос, Дим. Надо подумать что дальше делать...

—Не знаю, Ма...

Я сел рядом с ней на диван и стал смотреть на маятник часов, раскачивающийся из стороны в сторону. Часы уже давным давно не шли, а вот маятник каким-то образом ещё раскачивался. Странно то как...

—Мам, а кто такая спешница? Мать посмотрела на меня как-то странно. То ли испуганно, то ли встревоженно, то ли

с негодованием — не поймешь.

— Спешница? — Ну да, бабуля про какую-то спешницу говорила...

— Ох... — Мать вздохнула и потерла глаза. — сестра её. Лида... Лидия вернее. Дай угадаю, снова ругала сестру и называла её дрянью?

— Нет... Ну, точнее да.

— Они в ссоре были. Она, Лидия и Агата, ещё одна сестра, ну ты ее помнишь, она тебе в девять лет трансформера подарила.

Я не стал острить, говоря что, игрушка, подаренная чёрт знамо когда, это не самое яркое воспоминание в моей жизни. Спросил о другом:

— А что за ссора была? И что значит спешница?

— Ой, я не помню. По мелочи поругались, лет десять не разговаривали. Если хочется — у Олега спроси, он и с Лидой больше общался, и в тему погружён лучше. А лучше не спрашивай, заклюёт.

Почему Олег должен был меня клевать я, в целом, понимал. Дядя был, скажем так, на приколе. На здоровенном таком мракобесном приколе. Ни одно семейное мероприятие или застолье не обходилось без его феноменальных историй с канала Рен-ТВ. Истории были всех мастей: там тебе и отсутствие татаро-монгольского ига, и стертые из истории годы средневековья, и подмена Петра первого. И даже библейские события происходили не на ближнем Востоке, а на бе-

регах черного моря, неподалёку от Крыма. Откуда он брал эти идеи непонятно, но спорить с ним было ещё хуже, чем препираться с Яриком.

Дядя Олег искренне верил, что в нашей семье он был светочем знаний, маяком, разгоняющим тьму невежества, могучим разумом, что несет истину глупым и наивным родственникам. Глупые и наивные родственники же довольно быстро поняли суть его взглядов, и старались перевести тему на российский автопром, вкуснейшую селёдку под шубой или другую тему, минимально связанную с паранормальщиной. И у него мне кровь из носа надо было узнать в чем суть конфликта бабушки со своей сестрой, почему она спешница, и где её искать.

—Ма, что-то мне как-то скорбно. Душно. Пойду пройду.

Мать, вместо ответа кивнула и продолжила смотреть, созерцая узоры на обоях и думая, что же теперь делать. А я отправился к дяде. Жил тот в другой части деревни, в одном из немногих многоквартирных домов в два этажа. Раньше Сычевка действительно представляла из себя город, причем довольно перспективный. Здесь начинали строить дома, Вазуза, местная речка, была такой широкой, что по ней ходили баржи, работало то ли три, то ли четыре заводика, а на полях паслись коровы особой, местной породы. Но потом что-то не выгорело, заводы и комбинаты один за другим закрылись, речка из-за построенного водохранилища обмелела, а

от породы Сычевских коров не осталось ничего. Так и превратился многообещающий городок в богом забытую глухомань, где немногочисленные пенсионеры доживали свой век, а местные мальчишки от нечего делать месили друг друга во дворах за косой взгляд. Собственно, это и было единственным из доступных им удовольствий.

Я добрался до дома дяди, поднялся на второй этаж и позвонил в звонок. Дверь мне открыл невысокий, толстый всклокоченный усач. Седые, как альпийский снег, волосы у дяди стояли дыбом, но возбуждения в его поведении не наблюдалось. Дядя тоже переживал смерть бабули, но в своем непонятном и хаотичном ритме.

— Димка, ты чего тут?

— Привет, дядь — я поручкался с Олегом. — Я зайду?

— У меня тут грязь такая... — сокрушаясь, он развел руками, показывая нехитрое убранство дома.

Да уж, порядок бы навести здесь не помешало. Какие-то коробки, книги, тряпки, старые тапки, провода, обертки и несколько ящичков стеклянных бутылок. Дядя, помимо фанатичной любви к эзотерике, имел и ещё одно хобби: гнать самогон, запах которого в доме тоже присутствовал.

— Да нестрашно. Я поговорить.

— Ну проходи, раз поговорить... Дядя отошел в сторону, впрочем его внушительный живот все ещё создавал некое препятствие, поэтому в двери я замялся.

— Выпьешь? — дядя указал на кухню, где на столе стояла

пара бутылок с непонятным, желтым варевом. — Кальвадос, яблочный коньяк. Домашний, пару дней как выгнал.

Пить я не хотел. Настрой был не тот. Бухать с дядей было хорошо, когда на дворе зима, Олег растапливает старую, темную, проконопаченную баньку во дворе у бабушки, а после, когда вы погрелись, отмылись и напрыгались в сугроб, можно и опустошить стопку—другую. Сейчас же...

— Не, дядь. Не хочу. Не та ситуация, сам понимаешь...

— Понимаю... Эх Димка-Димка, вот же вырос, а! Никто не молодеет, где ж мои годы, когда ты мелкий совсем был...

Мы с Олегом поохали и поболтали на старые темы о главном ещё несколько минут, быстро проскочив тему мимолётности времени, упущенных возможностей и смерти бабушки. На этом месте я попытался перехватить инициативу, дабы диалог не зашёл куда-то в кулуары бесчисленных познаний дяди.

— Дя, слушай, а стоит наверное сестёр на поминки пригласить?

— Ты чего это вдруг о них?

— Услышал ваш разговор с мамой — даже не соврал я, аккуратно начиная уводить разговор в нужное русло — Все таки, родня...

— Родня то родня... — дядя сел на промятый старый диван, закинул руку за голову и провел по редющим седым волосам, — только вряд ли мама бы хотела их видеть. Уж Лидию так точно.

—Они друг друга недолюбливали? Поссорились?

—Это они в детстве друг друга недолюбливали, типичные младшие любимчики и старшие, на которых не обращают внимания и которые за это грызут мелких... — Олег скривился, видимо вспомнив, что он и моя мама были как раз таким примером семейных взаимоотношений

—А потом?

—А потом пенсионерки разбушевались. Лида обвинила твою бабушку в краже каких-то занавесок. Та в свою очередь сказала, что забирать себе вещи сестёр с детства было фишкой Лиды и Агаты. Лида это растрепала и самой Агате. Та не стала особо разбираться и послала обеих сестёр в задницу.

— И они десять лет не общались из-за каких-то вонючих занавесок?

— Советское время — пожал плечами дядя — Тотальный дефицит, разница в воспитании и восприятии. Не могу сказать, плохо это, или хорошо, но факт есть фактом.

— А что такое спешница?

Олег усмехнулся, но как-то горько, вымученно:

— Спешница – от слова «спесь». Как гордыня, или обидчивость. Иронично, что именно мама эту самую спесь и проявила, обидевшись на дурацкое обвинение сестры. Но уточнять никто не стал, а прозвище осталось.

— Но напоследок-то стоит восстановить семейные отношения? Мне кажется это по людски, что ли? По совести?

—По совести! — дядя крикнул — Как же! Даже если твоя

бабуля была не права, и мы пойдем вразрез её желаниям, то не факт что сама Лида согласится куда-то идти. Уж на что она раньше была брезгливая, сейчас вообще с катушек сорвалась. Даже со мной общаться не хочет. Старость не радость...

— Проблема всех блестящих умов нашего мира в том, что они считают выше своего достоинства опускаться до мелочей — выудил я из памяти непонятно где услышанную мысль.

— Слова не мальчика, но мужа, — ответил дядя, усаживаясь поудобнее и складывая руки на внушительном животе, — только вот проблема не в том что великие умы не могут найти общий язык с бабкой. А в том, что бабка сама не идет на контакт. Хочешь — сходи поболтай сам. На ловца и зверь бежит.

Мне даже не пришлось убеждать дядю в том, что мой поход к спешнице так уж необходим! Ещё минут десять — и я уже вышел из квартиры дяди с адресом Лидии. Жила та тоже на отшибе. Тьфу, ну что за привычка у моей семейки — селиться где-то у черта на рогах?!

— Только это, Дим, — остановил меня Олег в дверях, — мне кажется она в последнее время на алкоголь начала налегать. Подозрительная стала до ужаса, седина в голову...

—Бес в ребро, понимаю. Все нормально будет, не убьёт же она меня!

Взгляд дяди мне не понравился. Словно тебя остановил

гаишник, попросил документы, а когда ты их ему даешь со словами я вроде ничего не нарушал, он всем своим видом старается показать, что сомневается, и что в жизни всякое бывает. Как говорится, и жук свистит, и бык летает.

Распрощавшись с дядей я вышел из дома. Все мероприятие заняло от силы полчаса, теперь же мне предстояло чествовать на другой отшиб деревни, чтобы поговорить со своей... А вот не знаю, как это называется. Пра-тётей? Двоюродной бабушкой? Тётулей? Под глубокие размышления о сложном нейминге внутри отдельно взятой семьи, я не заметил, как налетел на аборигена. Местным оказался паренек лет восемнадцати, бритый под машинку, как и подавляющее большинство парней в этой глухомани. На скуле у парня был цветущий желтый фингал, а один из передних зубов оказался выбит.

— Ты куда идешь б@я?

— Да задумался как-то, не заметил, сорри.

— Че ты сорян мне кидаешь б@я, че не смотришь куда прешь?

— Да ладно тебе, чего ты докопался?

— Че б@я? Кто докопался, х@&#!с?

До меня поздновато дошло, что местный питекантроп банально идет драки. Увидел человека примерно его возраста, явно приезжего, идущего в своих мыслях и не глядящего под ноги. И то ли просто решил не отходить, то ли намеренно бортанул меня плечом, но своего он явно добился: вытянуть

из меня неаккуратное слово для завязки конфликта. Продолжать мне не хотелось, да и незачем было. Этот любитель деревенской романтики, крепленной «охоты» и прослушивания кальянной попсы с пацанами в Жигулях явно даст мне фору в любых разговорах за жизнь. Вот повезло же!

— Че б@я притих, извиняйся! — рявкнул парнишка.

— Ну извини, что ли...

— В смысле «ну»? Х@й гну, нормально извиняйся, с этим... С артистизмом, во! Можно на коленях!

А вот тут гопарь явно начал борщить. Словесные баталии не были моим фирменным оружием, да и дрался я всего два раза в жизни, но становиться на колени перед беззубым деревенщиной и вымаливать прощения было выше моего терпения.

— Да я понял, что ты х@й гнешь. Одной рукой, или вторая другим занята?

Позубоскалить мне не дали. Резкий, хлёткий удар прилетел мне прямо в щеку. Парень слегка уступал мне в комплекции, все таки вырос я не только вверх, но и в ширь. Правда, ни в зал, ни на бокс я не ходил — в плечах удалось разрастись путем ходьбы в бассейн. Это я и продемонстрировал, неуклюже наклоняясь и пропуская ощутимый хук с другой стороны. Следующим ударом гопарь познакомил меня с мощностью деревенского муай-тая. Видимо, хотел прописать мне ногой в голову, но растяжку дремучий Брюс Ли дома не делал, а потому попал куда-то в пояс.

Тут уже опешивший организм понял, что что-то идет не так, сейчас я завалюсь, а легенда дворового UFC начнет месить меня ногами. Поэтому поймал ногу оппонента и, не придумав ничего лучше, повторил его приём. Правда, прицелился ниже – уже в колено любителю воровской романтики. Голень обожгло: все же удар у меня был непоставленный, а ноги не привыкли к такого рода побоищам. Но вот моему визави досталось сильнее. Тот завыл, его нога подкосилась, и он как куль упал на землю, держась за ушибленную конечность. Сейчас бы добить буяна, но таким же быдлом как он я всё таки не был. Поэтому отпустил здоровую ногу пацана и бросился наутёк. Впрочем, мог и не бежать потому что удар вышел на загляденье. Гопник немного пошипел какие-то непечатные выражения, а после встал, и хромая как капитан Темная Нефильрованная Борода поплёлся следом.

Я, не помня себя, бежал. Бежал, не разбирая дороги и не переводя дыхание. Поворот, перекресток, проходной двор, завернуть налево, пробежать прямо и дальше по улице Свободной прямо до набережной, у которой и жила Лидия. Почему то организм повел меня на домой, а именно туда. Собственно, и неудивительно. В стрессе мозг склонен принимать первое попавшееся решение. А собственно стресса мне сейчас было не занимать. После короткой стычки, адреналин сейчас можно было собирать полотенцами, выжимать в банки и ставить перед телевизором. Там какой-нибудь Кашпировский их бы зарядил на здоровье, удачу, на ведро говна

впридачу, и потом я бы продавал их кому-нибудь. К примеру, дяде. Вот же балбес, а, на кой черт надо было устраивать эти гладиаторские бои?!

Впереди показалась река. Благо, к моменту когда я до неё добежал, меня уже попустило, иначе бы я проскочил момент, когда асфальт кончился, и под ногами оказался бы склон небольшой горки, ведущей к реке. И был бы сейчас Дмитрий Батькович косплеером: собирал бы тину с головы и завывал песенку: Я водяной, я водяной, поговорил бы кто со мной. По набережной я шел уже относительно спокойно. Конечно, с дрожью в руках, стремительно отекающим фингалом, безудержной одышкой, но все таки с чувством победы. Но шел, а не лежал в дорожной пыли, побитый этим приматом. Надо же, такой молодой, а сколько же в нем говна!

К слову, набережной местность называлась только у местных. На деле, это была просто дорога, ведущая вдоль реки, в какой-то момент заканчивалась, и продолжалась уже тропинкой в поле. Чисто географически, это всё ещё была Сычевка, но местность все именовали не иначе как полем. Собственно на нем, в нескольких сотнях метров друг от друга, оказалось воткнуто четыре дома. Жильем спешницы оказался пусть и не очень старый, но неказистый дом с красной крышей, светлыми дощатыми стенами и невысоким плетнём, окружавшим нехитрую жилплощадь с одной яблоней и крохотным сараем. И самое интересное, что хозяйка дома также была в наличии. Это было странно. Старички в дерев-

нях часто сидят на лавках или на завалинках, таращатся на проходящих мимо прохожих и с легкой руки отвешивают им ярлыки. Этот вот наркоман, этот алкаш, этот бабник, а эта — проститутка. Все как везде.

А вот женщина у плетня в свою очередь не сидела. Она стояла, взявшись рукой за изгородь и смотрела прямо на меня. Нет, не просто на меня. Расстояние между нами было метров двадцать, лицо то и дело закрывали распущенные светлые волосы, в которых играл ветер. Но я мог поклясться, что смотрела она будто бы прямо мне в душу. Лица я почти не видел, но голубые глаза, будто гипнотизируя, уставились прямо на меня, заставляя запнуться и встать на месте. Тётка смотрела на меня долго, пристально, совершенно не мигая. О этого взгляда хотелось бежать, ил до я бы отвести взгляд. Но не получалось ничего. Единственным признаком того, того, что я все ещё существую, а не провалился с головой куда-то в гипнотическую пучину, был мурашки, пробежавшие по спине. Дуэль взглядов, по ощущениям, длилась долго. На деле прошло где-то с полминуты, но для меня, стоящего словно голого мужика в женской бане, эти секунды растянулись в долгое, вязкое как патока время. Наконец спешница заговорила. Не совсем понятно, как относительно спокойный тон был слышен на таком расстоянии, но слова будто бы проорали мне в самое ухо:

—Я знаю, зачем ты здесь. Вижу. И хочу, чтобы ты засунул свои вороватые ру

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.